

Настасья Астровская

**Грешница
Люсиль**

Настасья Астровская
Грешница Люсиль

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Астровская Н.

Грешница Люсиль / Н. Астровская — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Обычно мы – почему-то - не знаем, кто мы есть на самом деле. Необычно то, что кто-то другой – внезапно – может это знать. Найти и узнать другого человека, чтобы в результате найти и узнать самого себя – крайне интересная перспектива. Особенно, если этот другой человек – красивая и загадочная молодая девушка, которая неожиданно появляется в маленьком поселке, нарушая привычный уклад жизни одним фактом своего существования.

Профессоров и прочих академиков в поселке было сыскать тяжело, однако были вещи, которые и детям были понятны. Например, что дважды два равняется четырем, Земля – круглая, а «Люсиль» и «грешница» – это синонимы.

Люсиль приехала на рассвете с проходящим поездом. Она была тонкая, дерзко рыжая, в нездешней шляпке и – в такую жару! – в перчатках, в руках держала два страшного вида черных чемодана. Без труда отыскала дом покойницы Пенелопы Салинас, открыла дверь невесть откуда взявшимся ключом. И все. И началось.

Первой ее заметила предприимчивая Росита. Вышла развесить белье, и вдруг под застиранной простыней показались белые тонкие ноги. Этих ног предприимчивая и всезнающая Росита точно не помнила, поэтому поспешила познакомиться с ними – вернее, с их хозяйкой. Ловко поднырнув под простынь, она увидела рыжую стройную девицу, гордо несущую свою высокую красивую грудь и морщившую на солнце прелестный маленький носик.

– Доброго дня! – крикнула Росита. – Я Росита Эспантар, местная швея. А вы чьих будете? Как вас зовут?

– Люсиль, – холодно ответила незнакомка и прошла мимо, не утруждая себя беседой с Роситой.

Та недобро посмотрела ей вслед и покачала головой.

К обеду Росита, конечно, узнала, что Люсиль Гринье – дальняя родственница покойницы Пенелопы, ездила гимнасткой с каким-то бродячим цирком, чуть три раза не вышла замуж – и все это к своим двадцати шести годам. Росита не была бы собой, если бы этого не узнала. Но самое главное, что она поняла еще в первый день и в чем потом убедилась: Люсиль была самой что ни на есть грешницей.

Перво-наперво, еще до того, как все познакомились с новой соседкой, Росита запретила своей дочери Анхелике общаться с ней. Юную Анхелику она считала безгрешной, сама же девушка на свой счет иллюзий не строила.

К обеду, когда большая часть дел была переделана, жители потянулись к дому Пенелопы – знакомиться. В это время суток Люсиль оказалась куда более приветлива, чем утром, поила всех кофе и смущенно кивала на не до конца разобранные чемоданы. Всем удивлявшимся ее белой для этих краев коже терпеливо объясняла, что в ней много французской крови, еще много германской, а испанской – чуточку, только, может, от Пенелопы, но говорит она – вон, смотрите как, язык, вроде, в семье помнят. Все важно кивали и соглашались – да, да, помнят, и говорите хорошо, сочно, почти по-местному.

Тем же вечером Росита высказала соседям свое безапелляционное мнение. Для нее Люсиль была заезжей проституткой, коварной лисицей, с которой не стоило связываться. Все только пожали плечами и закатили глаза: мол, что поделать, это же Росита, она и не такое скажет. Однако со следующего дня мужчины отчего-то повадились ходить к Люсиль.

Пока ходили одинокие парни, Росита плевалась, но молчала. Но одним лунным вечером она увидела Хорхе, мужа соседки Адрианы, крадущегося к Люсилиному дому разврата. Росита всплеснула руками, округлила глаза и побежала к Адриане. Росита забила тревогу. Росита начала действовать.

Сейчас же в доме Адрианы собрались все женщины поселка – Росита созвала тайный совет. Важно ходя взад-вперед по широкой кухне, как главнокомандующий, она вынесла вердикт: пора объявить грешнице войну, иначе поселок потонет во тьме греха и захлебнется в грязи, а за ним уж погибнет и весь мир. А так как мужчины уже в плену у врага, воевать придется женщинам и детям. Соседки слушали ее, не проронив ни звука, глядя на свою предводительницу испуганными глазами, в которых читалась готовность к боевым действиям любого характера. В конце концов, в жизни женщины всегда есть место подвигу.

Женщины еще повозмущались, а потом решили пойти проверенным путем: объявить наглой приезжей бойкот, вести себя с ней как можно хуже и постепенно вытравить ее из

поселка. Эта мысль всех как-то взволновала, женщины оживидись. Адриана принесла вина. Выпили, оживились еще больше. Хозяйка подала кофе с кальвадосом, потом кальвадос без кофе. Выпили, оживление сменилось твердой уверенностью в принятом решении. На том и разошлись.

Дочь Адрианы Мария, подслушавшая тайный совет, одобрительно кивнула.

Сын Адрианы Хорхе покачал головой.

Утром, выйдя к завтраку, он был весел сверх меры, охотно выпил кофе, потом разбил две чашки.

– Что с тобой сегодня такое? – ворчала мать, собирая осколки.

– Все из рук валится, – смеялся Хорхе. – А как ему не валиться? Я же грешник, дьявол меня сожри.

– Не мели чепухи! – отмахнулась Адриана.

– Грешник, – упрямо повторил он. – Вон, у сестры моей, праведницы, спроси, которая всю ночь под дверью подслушивала!

Мария густо покраснела и потянулась отвесить брату пощечину, но мать шлепнула ее по руке.

Под хоровое молчание недовольной матери и смущенной сестры радостно смеющийся Хорхе вышел из дома.

Его назвали в честь отца, и, чтобы не путаться, звали сначала Хорхе-младший, потом – юный Хорхе. Мальчик рос, и постепенно из Юного Хорхе он превратился в Глупого Хорхе. Нет, интеллектом он обделен не был, даже напротив – но в нем была юношеская наивность, поверхностность, беспечная легкость и быстрота суждения настоящего дурака. Потом Хорхе подрос еще, ему стукнуло девятнадцать, и из Глупого Хорхе он превратился в Злобного Хорхе. Нет, он не был злым, желчным, отталкивающим, даже напротив – но в нем была веселая молодая злоба, резкость, скорость, сущее мальчишество.

Ничего не боялся, никому не был должен, никому не принадлежал – ни семье, ни друзьям, ни одной девушке в мире, и ему иногда казалось, что и себе – тоже. Жил, работал, смеялся и насмехался, выпивал и пил, устраивал шумные гулянья с друзьями и говорил, что однажды уедет отсюда ко всем дьявольским рогам.

Все изменилось в один день – несложно догадаться, что это был день неожиданного приезда Люсиль Гринье.

Как только он вошел в дом Пенелопы, кроме знакомого запаха трав и кофе он почувствовал какую-то живую свежесть, будто бы в распахнутую дверь вплеснулась океанская волна. Новая хозяйка не выходила, видимо, не услышав, что кто-то пришел. Хорхе осторожно прошел в комнату. И – замер на пороге. На полу перед раскрытым зловещим черным чемоданом сидела его смерть.

Хорхе видел ее во сне много лет и не мог не узнать. Он смутно подозревал, что эти сны достались ему от погибшего в материнской утробе брата-близнеца, о котором родители никогда не говорили. Так или иначе, он помнил смерть очень хорошо – в последний раз она снилась ему два дня назад.

– О, простите, я вас не слышала! – смерть вскочила с пола и протянула ему руку. – Люсиль. Люсиль Гринье.

Те же короткие рыжие локоны, те же карие глаза с чертовщиной, те же белые длинные пальцы, поправляющие разрушенную прическу...

– Хорхе, – он пожал ее руку, с каждой секундой бледнея все больше. – Хорхе Кабрера.

– Кажется, я уже слышала это имя, – улыбнулась Люсиль.

– Наверное, вы говорите о моем отце, – Хорхе тоже попытался улыбнуться. – Я Хорхе-младший. Злобный Хорхе.

– Да ? – она вскинула брови. – Люблю злобных. Злобных, молодых, резких и ярких.

И ушла варить кофе, хохоча и покачивая круглыми бедрами, обтянутыми черной юбкой. Хорхе закрыл глаза. Все. Он шагнул на эшафот. Он встал к стене. Он приблизился к краю пропасти.

Вечером, когда Росита презрительно назвала Люсиль проституткой и грешницей, все пожимали плечами, а Хорхе странно улыбался. Его сердце сладко заныло. Он был бы рад, если бы она оказалась проституткой. Так у него был бы шанс познать ее. Познать свою мечту. Свою смерть.

Пока его сестра усердно и истово читала молитвы, не пропуская ни слова, ни звука, и взгляда, когда ночь уже опускалась на поселок, он просил небеса лишь об одном. Лежа на кровати своей комнаты, глупо улыбаясь и глядя в потолок, он шептал: Господи, пусть она грешит. Пусть она будет моей. Пусть...

Когда мужчины поселка стали проводить вечера в доме Люсиль, Хорхе понял: кажется, молитвы были услышаны.

Дурацкая идея глупых баб бойкотировать Люсиль раздражала его и была некстати. Впрочем, его это все мало касалось. Он как мужчина должен был сдаться рыжей в плен. Было только одно обстоятельство, мешавшее ему. Он... боялся.

Да, он робел. До встречи с Люсиль он даже не знал, что это такое. А теперь при одной мысли о ней мурашки бегали по спине, руки тряслись, бросало то в жар, то в холод, от ужаса начинало даже подташнивать. В общем, мысли о ней вызывали у него похмелье, независимо от того, пил он или нет.

Дни шли. Женщины плевали в сторону Люсиль, топтали ее белье, сушившееся во дворе, рвали посаженные ей цветы. А она только поднимала брови, встряхивала наглой рыжей головой – и смеялась. Мужчины продолжали ходить к ней. Их жены скандалили, рыдали, били их скалками. А они даже не злились, не говоря о том, чтобы расстроиться. Они переняли у Люсиль эту привычку – на все неприятности смеяться, быть легче, ни в чем не видеть трагедии. Раздосадованные женщины решили, что эта дурость передается половым путем, и приуныли.

Да, дни – шли. И в поселке оставалось лишь двое мужчин, не заходивших к Люсиль.

Это были Злобный Хорхе и Аурелиано Молина.

Если Хорхе по праву носил прозвище Злобный, то к Аурелиано подходило слово «загадочный».

Это был хорошо сложенный молчаливый человек с небритым мужественным лицом настоящего революционера и большими печальными карими глазами страдающего интеллигента. Минувшей весной ему исполнилось тридцать два года. Три года назад его жена, кипучая и бешеная Лолита, сбежала от него с каким-то заезжим цыганом. Аурелиано пожал плечами, вздохнул – и простил ее. С тех пор жил один, мало общался с соседями и много думал. Он много всего умел делать руками, он чинил, менял, создавал – и все это молча, с грустной улыбкой.

Одному лысому черту (или богу с пышной шевелюрой?) известно, как так случилось, что в одном и том же месте в одно и то же время встретились три таких разных человека.

Был ясный красно-розовый закат, травы мерно дышали засыпающим ветром. На холме над рекой собрались – в хронологическом порядке – действующие лица.

Аурелиано Молина.

Злобный Хорхе.

Грешница Люсиль.

Аурелиано часто по вечерам сидел на холме, приводя в порядок свои не в меру разыгравшиеся и расплескавшиеся мысли, коих у него было порой слишком много. В этот вечер он по обыкновению сидел на своем месте, вдыхал пряный свежий воздух и думал.

Вдруг шуршание травы выдало какого-то нежданного гостя. Аурелиано обернулся – в его сторону шел Злобный Хорхе с совершенно отсутствующим видом. Аурелиано удивился.

Хорхе, по правде говоря, и сам был нисколько удивлен тем, как его вдруг потянуло сюда. Мысли о Люсиль, занимавшие его по вечерам, гнали его неведомо куда. Он сел рядом с Аурелиано, достал из-за пазухи свою флягу и отхлебнул немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.